

Не в прорези ружейного прицела...

Уже одно то, что Студенческий театр МГУ выпустил свой третий спектакль, выпустив после безмерно затянувшихся организационных перерывов, не может не радовать. Спектакль называется «Сердце у меня одно». Автор пьесы Г. Пелоянски — ровесник своего героя, молодой режиссер спектакля Д. Фирсова, не старее и актеры. И только возглавлял работу мастыгай — народный артист республики Сергей Юткевич.

Ну да, пьеса не совершенна и названа во многом. Но

ничего, это не «Такая любовь» и не «Дневник Анян Франк». Однако новый спектакль обладает одним несомненным и, коль скоро речь идет о работе самодеятельного студенческого театра, мне думается, решающим преимуществом. Между героями и актерами никакой дистанции. Исполнителям не надо вникать в образ, осваивать малознакомую психологию, то есть проделывать ту работу, в которой им за профессионалами пока не угнаться. Мысли, поиски, переживания героев спектакля — это мысли его участников, их переживания, их поиски.

В центре — студент и начинающий поэт Олег Чубарев, человек эмоциональный, сложное и тонко чувствующий. Это открытая и честная натура, но еще не устоявшаяся, не утвердившая себя в жизни. О его человеческом, творческом возмужании и рассказывает спектакль.

С особой, повышенной чуткостью реагирует Олег на фальшь, неискренность во взаимоотношениях между людьми, пошлость — самый страшный его враг. И вот эта самая житейская пошлость, самодовольная успокоенность обывателя словно бы увидана в спектакле глазами Олега — быть может, чуть раньше, но остро, непримиримо, зло. Она «обнажена» предельно, ничем не затуманена и не ослаблена.

Самое страшное в мире это быть успокоенным. Славию Котовского разум, Который за час перед

казнью
Тело свое гранено
Ялониной гимнастичкой
мучил.

Олег слушает звучащие на репродуктора стихи молодого поэта, побойшего на войне, стихи, которые так больно отзывают его душевному настрою, а из-за ширмы в это время — мерное, сухое пощелкивание костяшек: отец с каким-то отвратительным плетивым тупом подсчитывает вырубку. Именно так сделано — чтоб пощелкивание костяшек не только Олегу, но и зрителям мешало слушать стихи, поднимая в них то же недогованье, что овладевает Олегом.

А вся обстановка в доме Чубарева-старшего? Затхлая юкура обывателя, вплоть до аляпчатого распятого ковра на стене, диковинно-допотопная тети Бразилия и отец, бросающий в лицо сыну, уезжающему на целину: «Манькам и Парашкам едешь лирику раздавать?»

Манькам и Парашкам... А рядом — другой отец...

О новом спектакле Студенческого театра МГУ

Надежду свою,
Несезу свою,
Свою синеглазую радость
В плотном строю,
На переднем краю
Мы защитим, намарадос.
Наша тоска,
Нежность и гнев
Нас поведут далеко.
Маками всходит
Кровавый посев.
Но пасаран, Франко.

Почти и не знаем мы ничего о журналисте Константине Коршунове, отце Оли, девушки, которую любит Олег. Только эта песня — любимая песня Коршунова, привезенная им из сражающейся Испании. Нет подробно развернутого характера, есть песня, словно символ прекрасного, светлого человека.

Вот на таких непримиримых столкновениях строится вся первая часть спектакля. Беспощадно увидана не только откровенная, дурьганая, но и рафинированная, так сказать, пошлость. «Я пресыщен бавальностью — она в воздухе, она как муррб», — встав в красивую позу, говорит студент консерватории Евгений влюбленной в него Оле.

И сирва обыватель, хотя и совсем иного толка, подан откровенно, в лоб. Так, в самой сути, а не в сложном хитро-силетован фраз воспринимает его Олег. Но Оля — Оля увлечена и не замечает ничего...

Олег хочет, мучительно хочет вырвать Олю из плена этого чувства — и не может. Пока не может. Он видит врага, но еще не знает, как с ним воевать, и даже признается поэту Снядинскому, который вместе с Коршуновым дрался в Испании: «Тогда было куда проще: войи честно, пиши храбро — и все». Снядинский отвечает так:

Гроза боев ворчаливо
облетела,
И ты сегодня видишь
подлеца
Не в прорези ружейного
прицела,
Когда родились доводы
саняца,
Когда не удавалось
дышным фразам
Держать нас
в обольстительном плену,
Тебе грудней,
И все же ты обман
Продолжать ту саняцкую
войну.

А Олег? Он велено и несладко бьет Евгения по лицу — и тут же отлетает в угол, сдвинувший умелым, хорейо расчитанным ударом. Это вначале: авторы спектакля не побоялись поставить героя в столь жалкое положение. А в конце — он возму-

навший, взрослый человек, твердо знаящий: ему отвечать за все, что происходит вокруг. И он готов отвечать. Он уже способен надежно защитить любимую, не пустить в ее жизнь никого, кто, подобно Евгению, пришел с недобрими намерениями. Он сохранял способность безошибочно различать пошлость и дрянь, сохранял злую ненависть к ним и приобрел умение драться, умение пощелкивать и дрянь, и пошлость.

Роль Олега, видимо, очень в большой степени отвечала человеческим данным исполнителю — А. Чернышеву. Искренность, большая душевная отдача, полное взаимопонимание актера и героя — вот отличительные качества этой работы. И все же... все же во второй части пьесы Олег теряет неповторимость. Дело тут вот в чем. В спектакле, и особенно в пьесе, не очень убедительно передано возмужание Олега. Переломом стала поездка героя вместе с курсом на три месяца на целину. Но ведь студента, не побывавшего во время каникул на целине, сейчас, пожалуй, и найти трудно. Нельзя всерьез утверждать, что именно это само по себе и есть главный, решающий рубеж превращения мальчика в зрелого, взрослого человека.

Полонский, вероятно, сам чувствовал это. И начал сдвигать искусственные ирреальности, трудности на пути героя, которые якобы должны выкалывать его характер. Так появились в пьесе скитания Олега по степи во время бури. Он несет запасные части для комбайнов и ни за что не хочет их бросить, хотя заблудился и силы его иссякают. Чтобы еще более подчеркнуть серьезность происходящего, в этой сцене материализованы видения теряющего сознание героя, сконцентрировавшие самое важное, самое значительное в его жизни.

Но искусственность, ложная многозначительность здесь все-таки очевидны. И когда в конце пьесы мы слышим: «Он на целине и свою, и вашу норму отработал», — это звучит по меньшей мере неубедительно. И актер, и автор, так тонко, так конкретно чувствовавшие своего героя, в конце сблизил на театральную приближительность.

И все же сделанное театром очень интересно, находки радуют, удача обнадеживает. А чтобы во всем достоверно и точно воспроизвести на сцене возмужание, повзросление человека, нужна подлинная зрелость коллентива. И молло, дой драматург, и молодые актеры, и их сверстники-зрители идут сейчас к зрелости. Для всех вих спектакль «Сердце у меня одно» — важный этап на этом пути.

К. ШЕРБАНОВ.

МОСКОВСКИЙ
КОМСОМОЛ